

Владимир Ильичев (Сквер)

НЕ ТИРАНЯ МИГ

Владимир Ильичев (Сквер)

Не тираня миг

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-1
ББК 84-5
И46

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Ильичев (Сквер) Владимир
И46 Не тираня миг / Владимир Ильичев (Сквер). — [б. м.] :
Издательские решения, 2018. — 20 с. — ISBN 978-5-4490-
2708-5

«Не тираня миг». Название сборника таит за собой ещё одно — может быть, даже более подходящее, однако спрятанное от случайного взгляда, потому что скоростное прочтение не сделает погоды ни между строк, ни в жизни читателя. Собственно, автор и не ставит глобальных климатических задач. Любовь — не ..., она — ..., а пропуски заполняются по желанию!

УДК 82-1
ББК 84-5

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Новый год, без тебя и с тобой,
с новым счастьем себя поздравляю,
за твоё — продолжая запой.
Год собаки. Привет алабаю.

Пёс бродячий, ничей. Значит, мой.
Я же мистер эмпатия. Да уж...
Засыпай, без меня и со мной,
не смещаясь из-замужа замуж.

Засыпай, где-то ближе к пяти,
дав разгонного жара ланитам,
засыпай же меня конфетти,
до зари, чтобы не было видно.

Расплескал кто-то горькую. Кто?
Алабай. А запой мой продолжен.
Есть в больнице местечко. Зато
в новом счастье местечки есть тоже!

01.01.18

Если я, сочетая концепты в разрозненных бликах,
брошу контуры чаек на волны к анфасам акул —
не отпустит крикуний на небо зубастая клика,
и наверное, данный нюанс — для пейзажа не cool.

А с другой стороны — слышу: «не было, нет и не светит»,
всё, что кроме реалий — фантазия, образы, блажь.
Проходили морские объекты сквозь окские сети,
но непойманным видам латинских названий не дашь.

А с другой стороны, то бишь, с третьей, не холодно чайке,
ведь зима не зима, здесь, где я получаюсь не я.
Кто же смотрит сейчас на твои, скажем скромно, перчатки,
для кого оттопырен мизинчик, царевна моя?

Если ты, замечая себя в многочисленных строках,
предпочтёшь снова зеркало, дома, ни после, ни до —
это правильно, милая, это не очень жестоко,
мало неба и моря, должно быть ещё и гнездо.

Поскольку это сыро и абсурдно —
я больше не дозирую слова.
Слетела, скачет, катится форсунка,
долбя самой себе, что не нова.

Бездействие не менее уныло,
когда на рынке страшный дефицит,
но ты меня спокойно уронила,
проехав мимо знака «Люденцы».

На танке можно. Можно, даже нужно,
война тому с лабазом, кто сродни,
реклама теле-радио-наружна —
движок на годы, месяцы и дни.

Мне кажется, в начале было Слово.
Я самозачеркнуь, перекрещуь.
Отброшенно, запчастливо. Не ново,
но больше не сжимая реки чувств...

Мимо рифов

Миф о таинстве зачатий
разрушали порно-дивы,
хор стонал: «В меня кончайте!»,
шли на задний план Мальдивы.

Миф о пользе мяса-млека
разрушали скотоводы,
заменяя человека
скользкой падалью свободы.

Миф о рок-н-рольном братстве
разрушали рок-герои,
пели «Фас!» лояльной пастве,
гнали нас и лошадь к Трое...

Миф о том, что я пришелец —
разрушаю сам, а кто же?
Занята ведь Ольга Шелест
шелестейками... «О, боже!»

Хочешь сладких апель (с) инов?
Хочешь рока — мимо риффов?
Хочешь — стонов рефлексивных
не для съёмок на Карибах?

Миф о россыпи желаний
сочиняю сам, ещё бы,
не открыты в океане
острова мои, Трущобы.

Бок не о бок

А кто сказал, что я «уже остыл»,
что кончился «чуфф ствительный период»?
Не рушайте за меня мои мосты,
мои прорабы сами всё предпримут.

Я бросил — пить, и якорь в океан,
да так, что вышиб дно, теперь дрейфую,
касаясь через линзу разных стран,
случайно, не ведясь на маракуйю.

Моя былая стройка на воде
застыла, связи нет с материками,
но то, что я остыл — скажите, где?
Мне жарко — в передозе, в перегамме.

Мне жарко не от многих встречных гамм,
достаточно дрейфующей со мною.
Мосты безынтересны берегам,
однако брус, доска — годятся Ною.

А этот парень будет воскрешён.
Его потом сыграет новый Робак.
Мне ветром расправляет капюшон
зимующая рядом... бок не о бок.

Марго

Не нравлюсь очень многим людям.
Немногим — нравлюсь, по чуть-чуть.
Заносчив. Гонор абсолютен.
Поди пойми — когда шучу.

Но что теперь? Косить под многих,
опять носить шакалий хвост?
Излайкать лайкающим блоги,
как лижет ноги сытый пёс?

Навек ценю циновки спален,
хрен дрыном — тем, кто не догнал.
Расклад, конечно, минимален.
Так я ж отсталый маргинал.

О да, задатки маргинальны.
Беги, беги, моя Марго.
Слышны мне в русском парке пальмы,
а ты не внимлешь, значит — go!

Марго... в необщих интересах
я вновь кромсаю имена,
вновь это ты, ни буквы «вместо»,
но все решат — ещё одна.

Я, разумеется, живу не только Вами —
как человеческий сын из плоти и костей,
и не найти для сновиденья толкований,
но Вы согрели одинокую постель.

До Вас я был — конечно, был пленён страстями,
ещё какими — даже, может, не слабей,
о, кто бы выяснил, куда и что нас тянет,
когда нам кажется, что слово — воробей.

Мне прикоснуться бы ладонью к Вашей чёлке,
не продолжая, не тираня этот миг,
и убежать, бежать, бежать сквозь палки-ёлки,
в родные дебри, поперёк и напрямик.

Три года горечи в этичном шоколаде,
три года белой сладкой манной на полынь,
три года знания о Вас чего-то ради,
три года самоубеждения: «Остынь».

Тепло. Картёжники рубашкам с рукавами
не изменяют и не будут изменять.
Я, разумеется, живу не только Вами,
Вы, разумеется, не помните меня.

Над Чкаловкой

«...иногда я вижу твоё лицо» (с) (п) (л) (и) (н)

...Кто выше? Ну разве что Чкалов,
он даже выходит за кадр,
почти уже — всё, белла чао,
но тоже — запара запар.

Я сам подзавис в этом небе
(вообще-то конкретно завис).
В ступенях, наверное, щебень.
Вниз можно. Не хочется вниз.

На фоне — какие-то виды
животных из царства людей.
Не чувят они, гоминиды,
не видят удачи своей.

До фени — что видит фотограф.
Ты смотришь мне прямо в глаза!
До фени — сеанс без повторов,
билеты в большой кинозал.

Над Чкаловкой виснем. Смешно так.
Сойдёт... скоротать вечерок,
ведь нет у меня кроме фоток
из жизни твоей ничего.

Ни одной вульгарной фотки
у тебя в альбомах нет,
ни одной панельной шмотки —
Борделандии в ответ.

И не то что на панели
подруженции твои,
но тряпье они надели —
как на #сказочнобали.

А былинный мем — с глаголом,
и глагол тот — не «любить»,
нет стыдобы в теле голом —
так и света не врубить.

Потому-то в светлом платье
ты мои приносишь сны,
в тот момент, когда на «пати»
явь темнеет от слюны.

Потому и эти строки
выше явного скромны,
сочный плод не ронит соки,
не затем они даны.

Огорошинка

Быть поэтом, плохим, хорошим ли —
за опалубкой мёртвых душ —
это, кроме одной горошинки,
лёгкий воз, невесомый гуж.

А горошинка-огорошинка
огорошит, заботы даст,
потому что принцессе Боженька
специальный пошил матрас.

Остальные, не специальные,
продаются на всех углах,
подходя к вариантам спаленки
но по меркам народных благ.

Разумеется, ты не парился,
промышляя себе ночлег,
укоряет ветрами старица,
до скрипенья на крыше слег.

Огорошинка рядом катится,
ночью — справа матрас бугрит,
потолочная ноет матица,
то за мыслями, то внутри.

Пустоблочная воеет матрица,
намечая принцессу съесть,

письма счастья летят безадресно,
ты их сам получаешь здесь.

Остаётся — плохим, хорошим ли —
быть поэтом, делить свой куш
с теплоносой лисой взъерошенной,
за опалубкой мёртвых душ.

Загадай за меня желанье
ты за тучкой незолотой,
и чужие цветы с шипами —
как мои — напои водой.

Ты используй мою возможность —
быть с тобой, чтобы жить тобой,
раздавай всем везучим по» шесть,
а себя обделяй шестой.

Оставайся последней дурой,
заправляйся на «Карме-ойл»;
в рукаве, под рубашкой бурой,
у тебя задремал король.

Он проснётся к минуте нужной,
королевский закончит кон.
Лишь бы только дышал. Ты слушай,
ты поглядывай — жив ли он.

Если проще сказать, не пыжась, —
между нами всё лето дождь,
эту воду уже не выжать
даже техникой марки «Бож».

Но цветы дождевую любят,
любят больше любой другой,
и чем дальше, тем громче «Люмен»...
Загадал. За тебя. С тобой.

Эфиопские печали

Рекультивация помоек —
не самый радостный процесс,
но я тружусь, как параноик,
без освещения «Франс-Пресс».

Где было грязно — будет чисто,
где чисто — зелень, воздух, мир!
Жуки жужжат про шлем танкиста,
а я упряма: раз-два, драй-фир.

Изгадят люди, всё изгадят,
примнут, снарядами взрывают.
Держусь канвы рабочих стадий:
здесь ты, возможно, бросишь взгляд.

И если канет он в бедламе,
а я рукой не шевельну —
зачем же я богат руками
с прогревом жил не под войну?

«Франс-Пресс» труда не освещает,
просрочен свет родной страны,
лишь эфиопские печали
пока горят, ещё годны.

Где осень прикасается к зиме,
тепло своё последнее даря -
касание пригрезилось и мне
за этим полужестом ноября.

Где лужи оббегает старый пёс,
наброски ледяные не кроша -
и я петляю: даром что подмёрз,
не зарюсь на кабацкого ерша.

Где тащит сам себя фальсификат,
больной рассудком, телом и ценой -
век мусора плевал на все века
слюной внекалендарно ледяной.

Где нежностью рождаются стихи,
да шанса нет строке не огрубеть -
командовал и слышал я: "Сбеги!",
но снова забегал в гитару-клеть.

Где ты не прикасаешься ко мне,
а я не знаю, зря или не зря -
ноябрь отдаёт себя зиме,
весеннюю гарантию беря.

Оглавление

«Новый год, без тебя и с тобой...»	3
«Если я, сочетая концепты в разрозненных бликах...»	4
«Поскольку это сыро и абсурдно ..»	5
Мимо рифов	6
Бок не о бок	8
Марго	9
«Я, разумеется, живу не только Вами ..»	10
Над Чкаловкой	11
«Ни одной вульгарной фотки...»	12
Огорошинка	13
«Загадай за меня желанье...»	15
Эфиопские печали	17
«Где осень прикасается к зиме...»	18

Владимир Ильичев (Сквер)

Не тираня миг

«...а я не знаю, зря или не зря»

«Не тираня миг». Название сборника таит за собой ещё одно — может быть, даже более подходящее, однако спрятанное от случайного взгляда, потому что скоростное прочтение не сделает погоды ни между строк, ни в жизни читателя. Собственно, автор и не ставит глобальных климатических задач. Любовь — не ..., она — ..., а пропуски заполняются по желанию!

ISBN 978-5-4490-2708-5

Rideró

Rideró.ru — издай
книгу бесплатно!